

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

¹⁷⁸
ЧАСТЬ GLXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 19—2.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами. . . . В. В. Григорьева.
- Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности. И. И. Срезневскаго.
- Стрѣлецкіе бунты М. П. Погодина.
- Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ (Окончаніе) В. Г. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

- Сборникъ нынѣшнихъ юридическихъ обычаевъ у южныхъ Славянъ (Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena, LXXIV i 714 стр.), составленный В. Бошичемъ Н. А. Попова.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. Гезена.

ALEXANDRI SECUNDI VICENNALIA.

- О коллекціи восточныхъ рукописей А. С. Фирковича, находящихся въ Чуфутъ-Кале А. Я. Гаргави и Г. М. Стракъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) гимназій
б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обертки.)

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ И ОСЪДЛЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ¹⁾.

Одинаковыя условія производятъ одинаковыя явленія. Законъ этотъ, дѣйствующій неуклонно въ области безсознательной природы, ни въ какихъ явленіяхъ исторической жизни человѣческихъ обществъ (опредѣляемой, повидимому, въ значительной мѣрѣ и сознаниемъ, и свободой, присущими разумнымъ существамъ) не проглядываетъ такъ рѣзко и осязательно какъ въ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами,—отношеніяхъ, существовавшихъ искони и продолжающихъ существовать частію и въ настоящее время. Какого бы различнаго по крови происхожденія ни былъ составъ этихъ народовъ и этихъ государствъ, на какихъ бы пространствахъ земной поверхности, различныхъ по климату, по очертаніямъ вертикальнымъ и горизонтальнымъ, по богатству или бѣдности естественныхъ произведеній, ни существовали кочевые народы и осѣдлыя государства, достаточно того, что первые были пастухами, а послѣднія состояли изъ земледѣльцевъ и промышленниковъ, чтобы дѣйствія тѣхъ и другихъ по отношеніямъ, между ними возникавшимъ, отличались изумительнымъ однообразіемъ до самыхъ мелкихъ подробностей. Изучая исторію кочевыхъ народовъ въ ихъ столкновеніяхъ съ осѣдлыми, и исторію осѣдлыхъ государствъ въ ихъ борьбѣ съ кочевниками, встрѣчаемъ постоянно, у тѣхъ и у другихъ, въ Азіи ли, въ Европѣ ли, въ Африкѣ ли, одинъ и тѣ же стремленія, одну и ту же политику, одни и тѣ же приемы для достиженія ихъ относительныхъ цѣлей. И какъ не хитрая политика кочевниковъ удавалась имъ всегда и вездѣ, пока оставались они вѣрны кочевой природѣ своей, такимъ же обра-

¹⁾ Разсужденіе, читанное на публичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета, 8-го февраля 1875 года.

зомъ осѣдлыя государства постоянно политики этой не понимали, принимали постоянно по отношенію къ кочевымъ все однѣ и тѣ же бесполезныя мѣры, впадали всегда и вездѣ въ однѣ и тѣ же, вредныя, а иногда и гибельныя ошибки.

Цѣль настоящаго разсужденія — доказать означенныя положенія фактами, разъяснивъ притомъ и нѣкоторыя явленія въ жизни кочевыхъ народовъ, не подвергавшіяся до сихъ поръ достаточному разсмотрѣнію.

Нѣтъ сомнѣнія, что лишь только возникла осѣдлость между людьми, лишь только появились селенія и города, и начали накапливаться въ нихъ произведенія земледѣльческаго труда и городской промышленности, какъ ближайшіе къ осѣдымъ кочевники стали уже стремиться къ присвоенію себѣ этихъ произведеній путемъ насилія, стали вторгаться въ области осѣдлыхъ, грабить ихъ и облагать данью. „Нѣтъ сомнѣнія“, говоримъ мы, потому что природа чело­вѣка и чело­вѣческихъ обществъ на памяти Исторіи представляется въ основ­ныхъ чертахъ своихъ неизмѣнною; въ историческія же времена отношенія кочевниковъ къ осѣдымъ ихъ сосѣдямъ постоянно были таковы: отъ историческихъ временъ позволительно, слѣдовательно, сдѣлать заключеніе и къ до-историческимъ.

Въ историческія времена, самое древнее, о какомъ упоминается въ письменныхъ памятникахъ, вторженіе кочевниковъ въ осѣдлую страну, произошло за 2300 лѣтъ до нашей эры. Это — извѣстное покореніе Египта „Пастырями“ (*Меча* по іероглифическимъ докумен­тамъ, *Гиксосъ* по Манеону), нахлынувшими откуда-то съ востока. Существенныя черты этого событія, извѣстныя намъ изъ Манеона (цитируемаго Флавіемъ Іосифомъ въ антикритикѣ его противъ Апіона), заключаются въ томъ, что „Пастыри“ овладѣли процвѣтавшимъ и давно цивилизованнымъ Египтомъ безъ всякаго сопротивленія со стороны туземцевъ, пожгли города страны, разрушили храмы, перебили множество народа, множество женщинъ и дѣтей увлекли въ неволю; затѣмъ, утвердившись въ Среднемъ Египтѣ (въ Мемфисѣ), владѣльцевъ Верхняго и Нижняго обратили въ данниковъ, и водворивъ тамъ, въ удобныхъ мѣстахъ (для обезпеченія покорности туземцевъ), свои отряды, главные силы свои сосредоточили на сѣверо-восточной оконечности страны, въ мѣстечкѣ Аварисъ, которое обратили въ обширный, сильно укрѣпленный лагерь, куда и свозили всю лучшую, какую приобрѣтали, добычу. Въ такомъ видѣ, подѣ управ-

леніемъ избранной ими изъ среды своей династіи царей, провластвова-
вали „Пастыри“ надъ Египтомъ болѣе 500 лѣтъ, пока, наконецъ, за
1700 лѣтъ до Р. Хр., не были изгнаны, обратно на востокъ, усилив-
шимися туземными государями Фиваидскими.

Въ этой древней картинѣ нашествія „Пастырей“ на Египетъ и
ихъ надъ нимъ владычества ясны, не смотря на копотъ вѣковъ, тѣ
же самыя характеристическія особенности, какими и позже отлича-
лись вторженія кочевниковъ въ осѣдлыя страны и ихъ тамъ господ-
ство, а именно:

Во-первыхъ — чрезвычайная легкость, съ какою овладѣвали они
осѣдлыми странами, — странами съ прочно установившеюся властію
во главѣ, съ городами, защищавшимися высокими и твердыми стѣ-
нами, съ густымъ и богатымъ населеніемъ, которое могло выставять
многочисленныя оборонительныя и наступательныя ополченія. Не
смотря на всѣ эти преимущества осѣдлыхъ, стоило только нахлынуть
на нихъ нестройнымъ, плохо-вооруженнымъ толпамъ кочевниковъ, какъ
толпы эти тотчасъ же становились господами осѣдлыхъ, а эти по-
слѣдніе — ихъ рабами или данниками. Съ такою же быстротою, какъ
„Пастыри“, и также безъ борьбы съ туземцами, овладѣли позже тѣмъ
же Египтомъ, Сирією и Месопотамією потомки „Пастырей“ — бедуины
изъ Неджда и Хеджаза. Столь же легко, повидимому, наложили власть
свою на процвѣтавшія, усѣянныя городами, осѣдлыя владѣнія въ до-
линѣ Аму, кочевые выходцы изъ степей Средней Азіи: за полтора
вѣка до Р. Хр. — Геты (Юети) и Саки, въ половинѣ VI вѣка по
Р. Хр. — Турки. Послѣ этихъ разительныхъ примѣровъ неустойчи-
вости осѣдлыхъ передъ кочевниками, почти не стоить уже упоминать
о быстротѣ, съ какою распространили свое господство надъ осѣд-
лымъ населеніемъ Придунайскихъ странъ, въ V вѣкѣ по Р. Хр. —
Хунны, въ VI — Авары, въ IX — Угры, нынѣшніе Венгерцы.

Во-вторыхъ — варварство, какимъ сопровождалось, болѣе или ме-
нѣе, всегда почти и всюду, вторженія кочевниковъ; варварство не
только по отношенію къ населенію страны, подвергавшейся вторже-
нію — такое варварство, весьма обычное и у цивилизованныхъ завое-
вателей, могло бы еще находить себѣ, если не оправданіе, то объ-
ясненіе, — но и варварство по отношенію къ дѣламъ рукъ побѣжден-
наго населенія: его жилищамъ, храмамъ боговъ его, дворцамъ его
дарей, гробницамъ его предковъ, всякимъ произведеніямъ его твор-
чества, художественнымъ или ремесленнымъ, разрушать которыя не
представлялось бы, повидимому, никакой пользы, никакой надобности

для побѣдителей. Отыскивая объясненіе этой бѣшеной страсти къ разрушенію, можно находить его, пожалуй, въ ненависти кочевника, свыкшагося съ широкимъ раздольемъ степей, ко всему, что служитъ какимъ-либо препятствіемъ его свободному передвиженію, стѣсняетъ привычный къ безграничности горизонтъ его зрѣнія, мѣшаетъ ему, въ осѣдлой странѣ, дѣйствовать и распорядиться какъ бы дѣйствовалъ и распорядился онъ на степной родинѣ. Извѣстно, что, по завоеваніи Сѣвернаго Китая, Монголамъ приходила мысль перерѣзать все народонаселеніе этой страны и обратить воздѣланныя земли ея въ пастбища для себя. Чѣмъ лучшимъ, нежели это предположеніе, характеризуются экономическія понятія и вкусы кочевника? Тучное пастбище, на которомъ бы откармливались и жирѣли стада его и табуны — верхъ всѣхъ его желаній, всѣхъ его мечтаній. Болѣе красиваго, усладительнѣйшаго зрѣлища не привыкъ онъ представлять себѣ съ ранняго дѣтства: какую же цѣну, послѣ того, могутъ имѣть въ глазахъ его произведенія зодчества или валянія? Всякая стѣна — препона для него, всякій домъ — тюрьма, все, чего не можетъ онъ унести съ собою, — вздоръ. И вотъ, сознательно или безсознательно, стремясь къ осуществленію своего идеала, онъ, при возможности, сметаетъ съ лица земли все, что мѣшаетъ ей быть пастбищемъ. Лагушки, вѣроятно, еслибы могли, весь міръ обратили въ болото.

Въ-третьихъ — устраненіе себя отъ всякой заботы о покоренной странѣ, отъ всякаго управленія ею, и даже отъ труда собирать подати съ покоренныхъ, что достигалось посредствомъ оставленія страны въ рукахъ туземныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ ихъ въ данниковъ, то-есть, въ орудія для выжиманія изъ покоренныхъ въ пользу побѣдителей всего, что первые могли доставить послѣднимъ. Къ этому способу управленія покоренными прибѣгали кочевники во всѣхъ странахъ, которыя находили раздѣленными между бѣльшимъ или меньшимъ числомъ туземныхъ владѣльцевъ. Относительная незначительность каждаго изъ этихъ владѣльцевъ и взаимное между ними соперничество служили для побѣдителей лучшимъ ручательствомъ въ ихъ общей покорности. Такъ властвовали „Пастыри“ надъ Египтомъ, Турки — надъ нынѣшнимъ Узбекистаномъ, Монголы — надъ Русью, Калмыки — надъ Восточнымъ Туркестаномъ. Измѣна этой умной политики со стороны золотоордынскихъ хановъ, допустившихъ усилиться московскимъ надъ прочими русскими князьями, имѣла послѣдствіемъ гибель Золотой Орды; можно думать, что и причиною изгнанія

„Пастырей“ изъ Египта было неосторожное допущеніе ими преобладанія Фиваидскихъ правителей надъ прочими ихъ египетскими сотоварищами.

Въ-четвертыхъ — обезпеченіе покорности завоеванной страны посредствомъ расположенія въ ней, на удобныхъ для того мѣстностяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ частей побѣдоносной орды. Такія части „Пастырей“, усѣвшіяся въ разныхъ мѣстахъ Египта, называетъ Манеонъ по-гречески *φρούρα* ми, что европейскіе толкователи Флавія Іосифа переводятъ словомъ „гарнизонъ“, представляя себѣ, конечно, что такіе „гарнизоны“ расположены были по городамъ или крѣпостямъ страны. Но, судя по тому, что извѣстно о процессѣ завоеванія разныхъ странъ позднѣйшими кочевниками, можно думать, что подъ *φρούρα* ми „Пастырей“ у Манеона слѣдуетъ разумѣть цѣлыя ихъ кланы или части клановъ, расположившіяся кочевьемъ по завоеванному ими Египту, а подъ выраженіемъ того же Манеона: *εν τοῖς ἐπιτηδυσιατικοῖς τόποις*, „въ самоудобнѣйшихъ мѣстахъ“ — не мѣстности важныя въ стратегическомъ отношеніи, а мѣстности наилучшія собственно для кочевой жизни. Такъ, при первыхъ халифахъ и во время Умейядовъ, Арабы оставляли въ завоеванныхъ странахъ цѣлыя колѣна свои, которыя и сохранились въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до настоящаго времени. Такъ, при Чингисѣ и его преемникахъ, болѣе или менѣе значительныя толпы Монголовъ водворены были въ Арменіи, Персіи и Мавераннагрѣ, гдѣ потомство ихъ тоже остается частію и до сихъ поръ.

О главномъ станѣ „Пастырей“, Аварисѣ, толкуетъ Манеонъ, что мѣстность эта избрана была ими въ качествѣ передоваго поста противъ Ассиріянъ, нападенія отъ которыхъ опасались они. Но если такъ, то зачѣмъ же было „Пастырямъ“ дѣлать этотъ пунктъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ ихъ добычи? Затѣмъ развѣ, чтобы она скорѣе досталась Ассиріянамъ, въ случаѣ ихъ нашествія? Да нечего было „Пастырямъ“ и опасаться Ассиріянъ, такъ какъ за 2300 лѣтъ до Р. Х. Ассиріяне, сколько извѣстно, не выступали еще на поприще завоеваній, и сидѣли себѣ смиренно въ нынѣшнемъ Курдистанѣ. На нашъ взглядъ, Аварисъ, по сосѣдству со степями къ востоку, откуда явились „Пастыри“ въ Египетъ, избрали они складочнымъ мѣстомъ награбленныхъ ими сокровищъ — въ тѣхъ видахъ, чтобы, на случай изгнанія своего изъ Египта, быть поближе къ помянутымъ степямъ и откочевать туда обратно какъ можно удобнѣе, со всею своею добычею. Такъ и случилось въ дѣйствительности, если вѣрить Ма-

неоону: когда туземные цари еивандскіе вѣтѣснили, наконецъ, „Пастырей“ съ береговъ Нила, то изъ Авариса, служившаго имъ послѣднимъ убѣжищемъ, и убрались они въ степи на востокъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Были ли примѣры подобной предусмотрительности со стороны другимъ кочевниковъ-завоевателей, мы не знаемъ. Китай нѣсколько разъ подвергался нашествію кочевниковъ, нѣсколько разъ владчествовали они тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, но ни разу не думали, кажется, быть оттуда изгнанными, и, сколько извѣстно, не принимали на такой случай особыхъ мѣръ обезпеченія, въ родѣ устройства Авариса. Знаменитый Хубилай, правда, построилъ, на границѣ Монголіи съ Китаемъ, послѣ того какъ сѣверная половина послѣдней страны завоевана была Монголами, особый городъ для своего мѣстопробыванія (который извѣстенъ былъ сначала подъ именемъ *Кай-бинъ-фу*, а потомъ *Шанъ-ду*); но это произошло вслѣдствіе того, что округъ Хуанъ-чжеу, гдѣ возведенъ этотъ городъ, данъ былъ въ личный удѣлъ Хубилаю братомъ его, императоромъ Мѣнгке, и Хубилай построилъ себѣ, въ этомъ мѣстѣ своемъ, такъ сказать, дачу, которая, по цѣли сооруженія своего, ничего общаго съ Аварисомъ не имѣла. По завоеваніи южнаго Китая, главною резиденціею избралъ онъ себѣ, какъ извѣстно, другой, имъ же построенный городъ, нынѣшній Пекинъ.

Уходили изъ Авариса „Пастыри“, конечно, далеко уже не тѣми кочевниками, какими, за 500 лѣтъ передъ тѣмъ, ворвались въ долину Нила. Въ теченіе пяти этихъ вѣковъ, какъ свидѣлствуютъ египетскіе памятники и книга Исхода, „Пастыри“ сильно поддались вліянію туземной образованности, и, если не всѣ, то въ лицѣ царей своихъ и ихъ сановниковъ, вполне усвоили себѣ египетскіе нравы и обычаи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Вездѣ, гдѣ кочевники-шаманисты овладѣвали осѣдлымъ государствомъ, быстро перенимали они всю внѣшнюю обстановку покоренныхъ и болѣе или менѣе долго сохраняли только свой національный языкъ и костюмъ. Гораздо замѣчательнѣе то, что „Пастыри“ въ теченіе пятивѣковаго владычества своего въ Египтѣ не переродились въ Египтянъ совершенно, и хотя сколько-нибудь сберегли свою особность отъ побѣжденныхъ. Подобной устойчивости извѣстенъ намъ другой примѣръ только въ Уграхъ, которые, вторгшись въ Паннонію, въ концѣ IX вѣка, и подчинивъ себѣ обитавшихъ тамъ Славянъ, не ославянились, а вполне

и до наших дней сохраняли не только языкъ свой и одежду, но и обычаи и духъ народный.

„Пастыри“, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказываются Ханаанцами, то-есть, людьми Хамова племени, съ сильною примѣсью къ нимъ Арабовъ, людей племени Симова. Но тѣ же черты, какими отличалось, по Манеэону, владычество „Пастырей“ въ Египтѣ, встрѣчаемъ и въ другомъ извѣстіи о вторженіи кочевниковъ въ осѣдлую страну, сохраненномъ для насъ греческою литературою—кочевниковъ уже совершенно иной расы, именно племени Іаветова. Говоримъ о вторженіи, въ VII вѣкѣ до Р. Х., въ Переднюю Азію, произведенномъ Скивами, про которое читаемъ у Геродота. Вторглись Скивы, сказываетъ Геродотъ, черезъ тѣснины Кавказа, въ Мидію, преслѣдуя убѣгавшихъ отъ нихъ Киммеріанъ, и заблудившись при этомъ (преслѣдуемые Киммеріане повернули вправо, въ Малую Азію). Пробираясь изъ Мидіи далѣе на югъ, наткнулись они на царя мидійскаго Кіаксара, съ громаднымъ войскомъ осаждавшаго столицу Ассиріанъ, Ниневію. Разбивъ и обративъ въ бѣгство это войско, Скивы, не встрѣчая уже затѣмъ сопротивленія, овладѣли всею (то-есть, всею Переднею) Азією, и устремились къ Египту. Царь этого послѣдняго, Псаммитихъ, выступилъ на встрѣчу имъ въ Сирію, и, помощію даровъ, умолилъ ихъ оставить владѣнія его въ покоѣ. Утвердившись, такимъ образомъ, въ мидійскихъ и ассирійскихъ земляхъ, властвовали они тамъ въ теченіе 28 лѣтъ, развора въ всячески эти земли: требовали уплаты себѣ не только обычныхъ податей, но обременяли каждого еще особымъ налогомъ, и, не довольствуясь этимъ, рыскали безпрестанно повсюду, грабя всѣхъ и каждого. Наконецъ, Кіаксаръ и его Мидяне, залучивъ къ себѣ на пиръ большую часть этихъ Скивовъ, напоили ихъ мертвецки и перерѣзали. Остальные, утративъ господство надъ Переднею Азією, держались еще, до поры до времени, какъ узнаемъ изъ Страбона (который называетъ здѣсь Скивовъ по-персидски Саками), въ сѣверо-восточной части Арменіи, между р. Куромъ и Албанією, которое пространство и получило, по имени ихъ, названіе Сакасены (Сакастан'а?), названіе, подъ коимъ оставалось извѣстнымъ и долгое время послѣ Страбона (Шагашенъ армянскихъ историковъ и географовъ).

Въ приведенномъ извѣстіи Геродота прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та черта—на нее указывали мы и въ разказѣ Манеэона—что господство надъ осѣдлыми приобрѣталось кочевниками съ

удивительною легкостію. „Пастыри“, положимъ, могли вторгнуться въ Египетъ неожиданно для обитателей и властей этой страны, прежде чѣмъ послѣднія могли собрать, для отраженія нахлынувшихъ варваровъ, разсѣянную по всему государству касту воиновъ. Въ настоящемъ случаѣ Скиѣны встрѣчаютъ готовую уже рать—и какую рать!—собранную изъ всѣхъ областей обширнаго уже тогда Мидійскаго царства, отличавшуюся благоустройствомъ, только-что завоевавшую царство Лидійское и панесшую поражение воинственнымъ Ассиріянамъ, рать, наконецъ, которою начальствовалъ мужественный и искусный въ воинскомъ дѣлѣ Кіаксаръ. И что же? При первомъ столкновеніи съ нестройными толпами кочевниковъ-Скиѣновъ, знаменитая рать Кіаксарова разлетается въ пухъ и прахъ! О томъ, чтобы Скиѣны встрѣтили засимъ какое-либо сопротивленіе въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ внутрь Передней Азіи, не упоминаетъ Геродотъ ни полусловомъ. Да и Псаммитиху египетскому толпы Скиѣновъ-кочевниковъ представляются тоже такими грозными и непоборимыми, что онъ—возстаповитель политической дѣлости своего отечества, освободитель Египта отъ ига Ассиріянъ—спѣшитъ отклонить грозу, нависшую надъ его царствомъ, унижаясь не только до покупки мира дарами, но и до забвенія личнаго достоинства—проситъ, умоляетъ варваровъ о пощадѣ...

Далѣе. Немыслимо, чтобы Скиѣны отправились на пиршество къ Кіаксару, если бы онъ оставался врагомъ ихъ, или даже былъ отъ нихъ независимъ. Чтобы онъ могъ пригласить ихъ, то-есть, вождей ихнихъ, старшинъ, знаменитыхъ храбрецовъ и т. д. на пиръ къ себѣ, а они—принять такое приглашеніе, необходимо одно изъ двухъ: чтобы Кіаксаръ былъ союзникомъ ихъ или вассаломъ. Союзникомъ Скиѣновъ онъ не могъ быть, слѣдовательно, былъ ихъ вассаломъ; выходитъ, что разбитый Скиѣнами Кіаксаръ призналъ себя данникомъ ихъ. Слѣдовательно, и здѣсь видимъ опять ту же черту, которую обозначили въ разказѣ Манеѣона о „Пастыряхъ“—устраненіе себя кочевниками отъ непосредственнаго завѣдыванія дѣлами покоренныхъ странъ съ предоставленіемъ этого завѣдыванія туземнымъ владѣльцамъ, обращеннымъ въ вассаловъ.

Что не довольствуясь условленною данью съ завоеванныхъ странъ, кочевники разоряли ихъ сверхъ того произвольными поборами, и что шайки ихъ, разбѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, грабили всѣхъ безъ разбора—какъ разказываетъ это Геродотъ о Скиѣнахъ, овладѣвшихъ Мидією и Ассирією—распространяться о томъ не къ чему: такой поря-

докъ вещей былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ собственнымъ нашимъ предкамъ, которые не мало плакались, въ своихъ лѣтописяхъ, на подобныя притѣсненія и раззоренія отъ Татаръ.

Вообще же, какъ Манеѳонова исторія вторженія „Пастырей“ въ Египеть, долговременнаго ихъ тамъ господства, и наконецъ изгнанія ихъ оттуда, находитъ себѣ полную параллель въ исторіи завоеванія Китая Монголами, ихъ тамъ властвованія и изгнанія ихъ обратно въ Монголію туземною китайскою династією, такимъ же образомъ повтореніе Геродотова разказа о грабительствахъ Скиѳовъ въ Передней Азійи и страха, который они тамъ на всѣхъ навели, находимъ, только съ несравненно бѣльшими подробностями, въ повѣствованіи арабскаго лѣтописца Ибнъ-эль-Эсира о раззореніяхъ, какія въ XI вѣкѣ нашей эры производилъ въ Хорасанѣ и окрестныхъ областяхъ вторгнувшійся изъ-за степей Приаральскихъ тюркскій родъ Гузовъ: эти кочевники, встрѣтивъ въ могущественномъ сльджукскомъ султанѣ Санджарѣ другаго Кіаксара, не только разбили этого героя, даже въ плѣнъ его взяли, но вскорѣ затѣмъ, какъ и Скиѳы нахлынувшіе на Мидію, сошли незамѣтно съ исторической сцены, расплывшись въ туземномъ населеніи.

Не станемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ, дававшихъ кочевникамъ такой перевѣсъ въ военномъ дѣлѣ, какой постоянно оказывался на ихъ сторонѣ при столкновеніяхъ съ осѣдлыми народами: предметъ этотъ уже разъясненъ по возможности въ другомъ нашемъ трудѣ. Здѣсь остановимся мы надъ вопросомъ не менѣе любопытнымъ: что побуждало высылаться съ родины тѣхъ кочевниковъ, которые, какъ на примѣръ „Пастыри“, кидались на осѣдлыя страны съ цѣлю водвориться тамъ прочнымъ образомъ и не возвращаться болѣе въ родныя степи? Понятно, что достаточнымъ стимуломъ къ временнымъ вторженіямъ кочевниковъ въ сосѣднія осѣдлыя страны могла служить жажда добычи, желаніе пріобрѣсти силою то, чего не въ состояніи они были добыть мѣною на свои произведенія. Но одно дѣло — временный набѣгъ, другое — экспатріація. Если бы стремленіе кочевниковъ къ даровому пріобрѣтенію произведеній осѣдлой промышленности было вообще такъ сильно, что перевѣшивало бы въ нихъ привязанность къ приволью родныхъ степей, то кочевники постоянно бы наирали на осѣдлыхъ сосѣдей своихъ съ завоевательными цѣлями, а Исторія не показываетъ намъ этого. Видимъ, напротивъ, что проходятъ цѣлыя столѣтія, и кочевники, сосѣдніе съ осѣдлыми, до-

вольствуются временными грабительскими вторженіями въ области послѣднихъ: захватить что успѣютъ, да и убираются спѣшно во-свои. Слѣдовательно, вторженій въ осѣдлыя страны цѣлнхъ кочевыхъ народовъ нельзя объяснять одною алчностью къ грабежу: должны были существовать для этого другія причины. Какія-же?

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на тѣ обстоятельства, которыя кинули на Египетъ толпы „Пастырей“; относительно-же обстоятельствъ, побудившихъ Скивовъ вторгнуться въ Арменію и Мидію, такія указанія существуютъ. Мы видѣли уже, что по Геродоту Скивы ворвались въ означенныя страны съ сѣвера, преслѣдуя бѣжавшихъ отъ нихъ Киммеріанъ. Но зачѣмъ гнались Скивы за Киммеріанами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ у того же Геродота, но въ другомъ мѣстѣ его „Исторій“, изъ котораго оказывается, что къ нападенію на Киммеріанъ Скивы были вынуждены потѣсненными ихъ въ свою очередь сильными сосѣдями ихъ съ востока, Массагетами: въ необходимости или подчиниться Массагетамъ или бѣжать отъ нихъ, Скивы предпочли послѣднее, и кинулись естественно на смежныя съ ихними къ западу земли Киммеріанъ, которые, вслѣдствіе этого толчка, должны были, въ свою очередь, убраться куда-либо далѣе. Первое столкновение между Скивами и Киммеріанами должно было произойти, судя по разказу Геродота, гдѣ-либо въ низовьяхъ Урала или Волги. При этомъ, бѣльшая часть Киммеріанъ устремились на западъ, и Скивы, двигаясь по слѣдамъ ихъ, заняли принадлежавшія дотолѣ Киммеріанамъ черноморскія степи, гдѣ и жили во времена Геродота; небольшой-же отдѣлъ Киммеріанъ побѣжалъ изъ степей приволжскихъ, черезъ Кавказъ, въ Малую Азію, и небольшая часть Скивовъ, слѣдуя за этими бѣглецами, также пробралась черезъ Кавказъ (по западному Каспійскому побережью), но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы повернуть изъ Закавказья, по слѣдамъ Киммеріанъ, въ Малую Азію, потерявъ ихъ изъ виду, предпочла вторгнуться въ Мидію. По приводимому Геродотомъ разказу объ этомъ событіи Аристей Проконезскаго, Скивовъ погнала съ земель ихнихъ, не Массагеты съ востока, а Исседоны съ сѣвера; Исседоны же, въ свою очередь, вынуждены были къ тому Аримасами, вторгнувшимися въ принадлежавшія имъ, Исседонамъ, земли, „такъ какъ“, замѣчаетъ Аристей, „всѣ эти народы находятся въ постоянной войнѣ съ своими сосѣдями“. Массагеты ли принудили Скивовъ удалиться съ ихнихъ кочевьевъ, Исседоны ли, для насъ все равно. Важно только согласіе обихъ разказовъ, и Геродотова, и Аристеева, въ томъ, что Скивы, вторгнув-

шіеся въ Мидію, сдѣлали это по необходимости, согнанные сильнѣйшими сосѣдами съ собственныхъ своихъ земель, и ища, вслѣдствіе того, новыхъ, на коихъ могли бы жить, и что такова же была и причина, принудившая сдвинуться съ родныхъ кочевьевъ и самихъ Исседоновъ. Получается, такимъ образомъ, выводъ весьма важный, — что вторженія кочевыхъ въ области осѣдлыхъ не были, или по крайней мѣрѣ не всегда были произвольны, а происходили вслѣдствіе толчковъ, которые вторгавшіеся получали сами, свади или съ боковъ, отъ другихъ сосѣднихъ и по чему-либо болѣе сильныхъ кочевниковъ. Обнаруживается и другой выводъ, крайне характерный, — что, между кочевниками, гонимые и преслѣдуемые сами тотчасъ же обращаются въ побѣдителей и преслѣдователей. Оба факта эти, одинъ какъ слѣдствіе другаго, являются постоянно въ исторіи кочевыхъ народовъ Средней Азіи. За полтораста лѣтъ до Р. Х. кочевники Саки кидаются изъ-за Сыръ-Дарьи на Согдіану и овладѣваютъ Греко-Бактрійскимъ царствомъ. Что побудило ихъ къ этому? Ихъ погнали изъ Западной Джунгаріи, гдѣ сидѣли они дотолѣ—Геты (Юе-ти китайскихъ писателей). А Геты по какой причинѣ потѣснили Саковъ? На нихъ самихъ понасыли Усуніи. А Усуней, которые кочевали гдѣ-то на западныхъ предѣлахъ Китая, что заставило удалиться оттуда и занять кочевья Гетовъ? Вынудили ихъ къ этому поборы и притѣсненія отъ усилившихся сосѣдей ихъ, Хунновъ. Видимъ цѣлый рядъ передвиженій, изъ коихъ одно обуславливается другимъ, и оказывается что разрушеніе Греко-Бактрійскаго царства было послѣдствіемъ толчка, происшедшаго на западныхъ окраинахъ Китая. Почти въ то же время, Сарматы, двигаясь изъ Азіи по слѣдамъ Скивоновъ, вытѣсняютъ этихъ послѣднихъ далѣе на западъ; Сарматовъ заставляютъ двигаться такимъ образомъ тѣснящіе ихъ Алане. Находить, между тѣмъ, гроза и на Хунновъ: ихъ поражаютъ въ Монголіи Сяньбийцы, предки нынѣшнихъ Маньчжуровъ. Остатки разбитыхъ Хунновъ пробираются на западъ, и сваливая, на пути этомъ, въ кучу спустившихся изъ Сибири Огоровъ или Угровъ, гонятъ ихъ, подъ бунчуками своими, на Аланъ, даютъ этимъ послѣднимъ такой сильный толчекъ, что они пролетаютъ сквозь всю Европу до Геркулесовыхъ Столбовъ, и, слѣдуя по пятамъ Аланъ, покоряютъ подъ себя всѣ славянскіе и германскіе народы Восточной и Средней Европы. Вскорѣ послѣ Хунновъ валятъ опять изъ Азіи въ Восточную Европу Болгаре и Аваре, овладѣвающіе послѣднимъ Хунновъ. Этихъ кто вытираетъ оттуда? Усилившіеся Турки, которымъ не желаютъ поддаться Аваре. Затѣмъ наступаютъ усобицы

между самими турецкими народами, и одни изъ нихъ, гонимые другими, являются гонителями третьихъ: Печенѣги изъ-за Волги вытираютъ Угровъ въ Паннонію; Печенѣговъ, по слѣдамъ Угровъ, гонять на югъ и на западъ Узы (или Гузы); Узовъ, въ Черноморскихъ степяхъ, истребляютъ или поглощаютъ Кипчаки (=Половцы=Команы) и тѣ же Кипчаки вытѣсняють другія колѣна Гузовъ изъ Приаральскихъ степей въ Маверангагръ, откуда эти изгнанники Гузы, предводимые Сельджукидами, разливаются завоевательнымъ потокомъ по всей Персіи, Месопотаміи, Арменіи и Малой Азіи.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы кочевники выселились съ родины своей добровольно, и произвольно выданы на земли осѣдлыхъ. Ихъ, согнанныхъ или удалившихся съ собственныхъ земель, приводила къ этому необходимость овладѣть какою-либо другою территоріею, на которой бы могли они существовать. Смѣло утверждаю, поэтому, что и „Пастыри“ вынуждены были ринуться на Египетъ такого же рода необходимостію. Двигались они, какъ теперь извѣстно, отъ береговъ Персидскаго залива. Оттуда, полагаю, вытѣснило ихъ нашествіе, съ сѣверо-востока, Арійскихъ колѣнъ, предковъ тѣхъ Персовъ, которые, при Кирѣ, явились завоевателями всей Западной-Азіи.

Но отъ чего-же столь грозные, столь непоборимые для осѣдлыхъ, оказывались кочевники столь мало устойчивыми противъ другихъ, имъ же подобныхъ кочевниковъ, когда послѣдніе наирали на нихъ? Отъ чего побѣдители Кіасара не отбивались или не могли отбиваться успѣшно отъ натиска Массагетовъ или Исседоновъ? Отъ чего бѣглецы и преслѣдуемые обращались, при первомъ столкновеніи съ другими такими же кочевниками, на земли которыхъ наваливались, — въ побѣдителей этихъ послѣднихъ, и гнали ихъ въ свою очередь? Это объясняется очень просто, механическимъ образомъ. Кочевники обыкновенно живутъ разсѣянно, особенно на лѣтнихъ пастбищахъ. Чтобы имѣть возможность прокормить стада и табуны свои, иначе и жить они не могутъ. Одинъ небольшой аулъ кочуетъ въ разстояніи многихъ верстъ отъ другаго. Представьте себѣ, что на разсѣянный такимъ образомъ на большомъ пространствѣ кочевой народъ устремляется, съ цѣлію грабежа и подчиненія своей власти, ради дани съ побѣжденныхъ, другой сосѣдній кочевой народъ. Этотъ послѣдній, задумавъ предпріятіе, держитъ его втайнѣ, собираетъ, въ условленное время, военныя силы свои (то-есть, всѣхъ имѣющихъ оружіе взрослыхъ мужскаго пола) въ кучу, и кучею этою устремляется

внезапно на разбросанные аулы противниковъ. Какое сопротивленіе могутъ противопоставить этому наѣзду тѣ, которые ему подверглись? Разрозненные, объятые страхомъ, они могутъ лишь бѣжать, съ быстротою, какую только въ силахъ вынести ихъ стада, и бѣгутъ, естественно, въ сторону противоположную той, съ которой сдѣлано нападеніе. Замышлявшіеся на этомъ бѣгствѣ, отставшіе, слабые, становятся жертвою гонящагося за ними непріятеля, и, ограбленные, обращаются имъ въ рабовъ или въ слугъ, то-есть, въ данниковъ. Все, что между бѣгущими обладаетъ лучшими конями, и, предпочитаая свободу, покидаетъ женъ, дѣтей, скотъ и прочее имущество, лишь бы только не попасться въ руки нахлынувшему врагу, столпляется постепенно въ своемъ бѣгствѣ, и, достигнувъ предѣловъ родной земли, въ свою очередь, обращается въ кучу подобную той, отъ преслѣдованія которой старалось укрыться. Кучѣ этой предстоитъ, въ такомъ положеніи, одно изъ двухъ: или обратиться вспять на тѣхъ, отъ кого бѣжала, и стараться отбить у нихъ похищенное и самихъ ихъ прогнать во-свои, или, пользуясь столпленіемъ своимъ, поступить съ сосѣдами своими такъ же, какъ съ ними было поступлено. Последнее безопаснѣе, и по, изложеннымъ причинамъ, обѣщаетъ болѣе успѣха, а кочевникъ и смѣтливъ, и разчетливъ: столпившаяся масса изгнанниковъ кидается на разсѣянные кочевья сосѣдей, и, сильная густотою своею, заставляетъ бѣжать ихъ точно такимъ же образомъ, какимъ сама согнана была съ своей территоріи. Гдѣ бѣжавшимъ кочевникамъ удобнѣе ударить на осѣдлыхъ сосѣдей, они бросаются на этихъ послѣднихъ, и одолевъ ихъ, на нихъ стараются вымѣстить свою злобу, и наверстать свои потери. А, случится, настигнутъ побѣдители столпившихся бѣглецовъ, и, не сытые прибрѣтенною добычею, пожелають продолжать набѣгъ далѣе, тогда происходитъ процессъ другаго рода: биться съ ограбленными и озлобленными бѣглецами — и добычи мало, и успѣхъ сомнителенъ; лучше принять ихъ въ союзники и продолжать дальнѣйшее хищничество совместно: будетъ и на нашу, и на ихъ долю. Ограбленные бѣглецы понимаютъ этотъ разчетъ, становятся подъ бунчуки бывшихъ враговъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними опровидываются на ближайшихъ сосѣдей. Съ этими повторяется та же самая исторія, и образуется изъ малой льдины огромная лавина, все на нути своемъ подавляющая. Такимъ именно образомъ возникли полчища кочевниковъ, которые подъ бунчуками Хунновъ, Жужаней, Тюрковъ, Киданей и т. д. подчиняли себѣ все кочевое населеніе Средней-Азіи и сосѣднія съ нимъ осѣдлыя государства.

„Полчища кочевниковъ“, выразился я сейчасъ, употребляя общепринятый терминъ для обозначенія большихъ массъ степныхъ воиновъ; но я не вѣрю въ разказы историковъ о громадности степныхъ ратей, вторгавшихся въ осѣдлыя страны, не вѣрю въ сильную численность кочевниковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сказываютъ намъ, двигались, будто бы, цѣлыя ихъ народы. Степи не могутъ прокармливать такого числа народонаселенія, какъ страны земледѣльческія и тѣмъ болѣе промышленныя. Все нынѣшнее кочевое населеніе среднеазиатскихъ степей состоитъ, приблизительно, изъ 550,000 душъ Тунгусскаго племени, 2.600,000 Монгольскаго, и 1.500,000 Турксккаго, всего до 4.500,000 обоюго пола душъ, изъ коихъ годныхъ къ бою наберется не болѣе 10%, стало бытъ около 450.000 человекъ. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы когда-либо, въ протекшія времена, народонаселеніе это было значительно многочисленнѣе, а намъ говорятъ чуть не о миллионныхъ ратахъ кочевниковъ! Да если бы, по приведенному разчету, Средняя-Азія выставила всю боевую силу свою отъ береговъ Маньчжуріи до береговъ Урала, то и въ такомъ, никогда не бываломъ и невозможномъ, случаѣ не простиралась бы она до полумилліона воиновъ. Ни что иное какъ трусость и малодушіе осѣдлыхъ заставляло ихъ—по пословицѣ „у страха глаза велики“—преувеличивать непомѣрно число ихъ кочевыхъ враговъ, видѣть сотни тысячъ тамъ, гдѣ и десятковъ не было. Никогда на памяти Исторіи не правила кочевымъ населеніемъ всей Средней-Азіи такая желѣзная рука какъ Чингисова, а между тѣмъ какими ничтожными, можно сказать, отрядами производились всѣ его завоеванія! Достаточно припомнить, что тотъ корпусъ войскъ, который отправленъ былъ Чинчисомъ изъ-подъ Самарканда для преслѣдованія султана Ала-эд-Дина, и возвратился черезъ три года въ Монголію изъ-за Волги, опустошивъ въ этотъ промежутокъ времени Хорасанъ, Сѣверную-Персію, Азербайджанъ, Грузію, Арменію, Подкавказье, Крымъ и Поволжье, овладѣвъ сотнею городовъ, и разбивъ въ полъ нѣсколько разъ многочисленныя рати Грузиновъ, Алановъ, Лезгиновъ, Черкесовъ, Половцевъ, и, на Калкѣ, соединенныя силы русскихъ князей—что корпусъ этотъ состоялъ всего изъ двухъ тумановъ, то-есть, 20.000 ратниковъ. И не только рати кочевыхъ завоевателей не были такими многочисленными, какими показываютъ ихъ осѣдлыя историки для оправданія пораженій, понесенныхъ ихъ соотечественниками: не могли бытъ, и далеко не были столь громадны, какъ угодно этимъ историкамъ, самыя цѣликомъ двигавшіяся орды кочевниковъ. Вѣрить трус-

ливымъ и вмѣстѣ хвастливымъ Византіяцамъ, такъ Печенѣги явились изъ-за Волги на Дунай въ числѣ 800, а Узы—въ числѣ 600 тысячъ душъ. Но мы знаемъ, что Аваре, громившіе области обѣихъ римскихъ имперій не менѣе чѣмъ Узы или Печенѣги, и господствовавшіе долгое время надо всею Среднею Европою, выбѣжали изъ-за Волги только въ числѣ 20.000 семей, ибо только въ такомъ числѣ требовали выдачи ихъ, какъ бѣглыхъ подданныхъ своихъ, послы Тюркского хана, не имѣвшіе никакой надобности уменьшать числа бѣглецовъ. Нѣтъ причинъ считать калмыцкую орду Торгоутовъ, передвигнувшуюся въ XVII вѣкѣ изъ Джунгаріи въ низовья Волги и покорившую на пути сильныхъ дотола Ногаевъ, менѣе людною чѣмъ были, напримеръ, Печенѣги, а орда эта простиралась всего, много, до 150,000 обоего пола душъ. Мусульманскіе лѣтописцы плачутся на раззоренія, причиненныя Узами (Гузъ) въ Хорасанѣ и Персіи, не менѣе чѣмъ византійскіе; надлежитъ думать, потому, что черезъ Сыръ перебрался этотъ народецъ въ числѣ не меньшемъ чѣмъ черезъ Волгу; а между тѣмъ изъ всѣхъ разказовъ о грабительствахъ Узовъ въ мусульманскихъ областяхъ нельзя не видѣть, что дѣйствовали они небольшими, относительно, шайками. И вообще, когда о числѣ кочевниковъ, вторгавшихся въ осѣдлыя страны, имѣются свѣдѣнія не преувеличенныя трусовостию или намѣренно, оказывается оно вовсе незначительнымъ, какъ должно быть и по самой природѣ вещей.

Мы видѣли какъ дѣйствовали кочевники, когда имъ удавалось овладѣть осѣдлымъ государствомъ. Но не всегда, разумѣется, удавалось это хищнымъ сынамъ степей. Чаше между напавшими кочевниками и государствомъ, подвергавшимся ихъ напору, завязывалась борьба, тянувшаяся нерѣдко цѣлыя столѣтія, и, повсюду, гдѣ-бы ни велась она, представляющая повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій. Въ борьбѣ этой кочевники постоянно являются достигающими своей цѣли—дароваго приобрѣтенія произведеній осѣдлаго труда, нужныхъ имъ или нравившихся; тогда какъ осѣдлыя государства своихъ цѣлей—обезпечить себя отъ разорительныхъ вторженій кочевниковъ, смягчить ихъ грубость и варварство—достигали весьма рѣдко. Удалось это лишь Китаю при царствующей тамъ Маньчжурской династіи, да Россіи въ послѣднее время.

Если осѣдлое государство обладало такою стойкостью, что завоевать его и обложить податями кочевники не чувствовали себя въ

силахъ, они ограничивались тѣмъ, что тревожили безпрестанно пограничныя или даже и внутреннія его области, увлекая въ неволю ихъ народонаселеніе, расхищая его имущество, истребляя его жилища и общественныя сооруженія. Чтобы избавиться отъ страшнаго зла, неразлучнаго съ такими вторженіями, правительства осѣдлыхъ народовъ покупали обыкновенно безопасность для нихъ цѣною нравственнаго униженія и матеріальныхъ жертвъ, то-есть, обязывались платить кочевникамъ постоянную дань. Такая дань, при слабыхъ осѣдлыхъ правительствахъ или въ трудныхъ для нихъ обстоятельствахъ, доходила иногда до громадныхъ размѣровъ, истощавшихъ послѣднія средства и казны, и плательщиковъ. Такъ, на примѣръ, по мирному договору, заключенному въ 1141 году между Сунскою династіею, властвовавшею въ то время почти надъ однимъ южнымъ Китаемъ, и Чжурчженями, занявшими сѣверную его половину, Суны обязались уплачивать послѣднимъ ежегодно 250.000 лановъ (унцій) серебра и столько же кусковъ шелковыхъ тканей. Но цѣль, съ которою давалась дань, не достигалась этою мѣрою: только что получивъ условленное, кочевники требовали уже бѣльшаго, и чѣмъ больше получали, тѣмъ сильнѣе жадничали. Приведемъ въ примѣръ Хунновъ: хаганъ ихъ Ругила довольствовался полученіемъ съ восточной Римской имперіи 350 пудовъ золота въ ежегодную дань; преемникъ его Аттила, только что вступивъ на престолъ, потребовалъ вдвое болѣе, и, постоянно возвышая требованія, дошелъ до того, что взыскивалъ, наконецъ, съ константинопольскихъ императоровъ уже по 2.100 пудовъ золота въ годъ. Точно такимъ же образомъ дѣйствовали позже, по отношенію къ Византіи, Аваре, Печенѣги и другіе кочевники. Тяжкая дань, естественно, не могла быть уплачиваема сполна въ назначенные сроки, а кочевники, при малѣйшемъ замедленіи во взносѣ ея, хватались за это обстоятельство какъ за нарушеніе договора, и принуждали къ исполненію его новыми вторженіями. Такимъ образомъ, государства, платившія дань, нисколько не обезпечивали себя тѣмъ отъ раззореній со стороны кочевниковъ.

Убыточно было платить дань „варварамъ“; но для самолюбія осѣдлыхъ правительствъ, въ особенности гордившихся неизмѣримымъ превосходствомъ своей цивилизаціи надъ „варварскою“, какъ гордились Китайцы и Византійцы, еще чувствительнѣе было нравственное униженіе—открыто признавать себя данниками этихъ „варваровъ“. Непереваримость такого признанія приводила всѣ осѣдлыя правительства къ одному и тому же стремленію—замѣнять оскорбительное

для слуха ихъ слово „дань“ болѣе мягкимъ „подарки“,—стремленію, осуществлявшемуся обыкновенно довольно легко, такъ какъ расчетливые кочевники гнались не за словомъ, а за дѣломъ. Таковы были и „поминки“, которыя посылаемы были въ XVI, XVII столѣтіяхъ отъ Московскаго двора князьямъ ногайскимъ и ханамъ крымскимъ.

И мало того, что вмѣсто „дани“ соглашались кочевники принимать „дары“, соглашались они даже сами давать „дань“ осѣдлымъ, съ тѣмъ только, чтобы за „дань“ эту оплачивали имъ осѣдлые „подарками“, вдвое, втрое, вдесятеро противу ихъ „дани“. Въ сношеніяхъ Китая съ сосѣдними кочевниками комедія эта разыгрывалась постоянно, вслѣдствіе чего, видимъ, всѣ правительства этой страны старались, чтобы „дань“, получаемая ими съ кочевниковъ, была какъ можно ограничѣннѣе, а кочевники, напротивъ, усиливались представлять эту „дань“ въ возможно болѣешихъ размѣрахъ; и множество ссоръ, а затѣмъ и войнъ, возникало между Китайцами и кочевыми сосѣдями ихъ именно изъ-за того, что послѣдніе являлись черезъ-чуръ щедрыми на „дань“ свою Китайцамъ, такъ что Китайцамъ не въ моготу уже приходилось „отдаривать“ за эту „дань“.

Другая форма, подъ которою ухитрялись кочевники взывать дань съ осѣдлыхъ, льстя ихъ тщеславію, это—посольства. Трудно правительству осѣдлаго государства отказать въ приѣмъ посольству, являющемуся отъ какого-либо сосѣдняго кочеваго владѣльца: не приять его посольства значило бы обидѣть его инымъ образомъ, раздражить, вызвать, безъ нужды, на вражду. А принявши, нельзя же не угостить пословъ, не одарить за привезенные ими дрянные подарки, дарами соотвѣтственными собственному, дѣйствительному или воображаемому, величію: *majestas imperii* также обязательна для правительствъ, какъ и *noblesse d'extraction* для частныхъ лицъ, а кочевники и пользуются этимъ самоувѣніемъ осѣдлыхъ правительствъ. Находить степной владѣлецъ, что ему надо убоготворить какого-либо изъ приближенныхъ своихъ или сторонниковъ, онъ и приводитъ это въ исполненіе на счетъ осѣдлаго сосѣда, отправляя къ нему любимыхъ или нужныхъ людей въ качествѣ пословъ: одаряютъ и ихъ, да и ему гостинца они привезутъ. Этою только формою эксплуатаціи осѣдлыхъ со стороны кочевниковъ и объясняется, непонятная безъ того, страсть послѣднихъ посылать посольства въ осѣдлыя страны при малѣйшемъ къ тому поводѣ и даже безъ всякаго повода, страсть, которою кочевники являлись, повидимому, всегда и повсюду одержимыми. Укажемъ хотя на безпрестанныя посольства къ византійскимъ императорамъ

отъ Аттилы въ V, и отъ Дизавуда въ VI вѣкѣ. Но ясно, что дѣлалось это безъ всякой страсти, а по весьма холодному разчету. И понимали перѣдко этотъ разчетъ осѣдлыя правительства: такъ, напримеръ, у насъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, запрещено было пропускать въ Москву калмыцкія и урянхайскія посольства; но обыкновенно запрещенія такого рода вскорѣ отмѣнялись, вслѣдствіе того, что осѣдлые дипломаты всѣхъ странъ ужасно боялись „раздражить“ кочевниковъ. Кочевые политики, напротивъ, никогда не задумывались о томъ, нравятся осѣдлымъ ихъ поступки и образъ дѣйствія, или нѣтъ.

Но не одною данью, подѣ какимъ бы то ни было названіемъ, приходилось осѣдлымъ отдѣляться отъ назойливости ихъ степныхъ сосѣдей. Приходилось унижаться передъ этими притязательными сосѣдями и другимъ образомъ, быть можетъ, еще болѣе обиднымъ для гордыхъ владыкъ образованныхъ народовъ, а именно—выдавать собственныхъ дочерей своихъ или родственницъ въ замужество за грубыхъ и грязныхъ предводителей кочевыхъ ордъ, многіе изъ коихъ постоянно того домогались. Домогались же степные владыки брачнаго союза съ царевнами далеко не потому одному, какъ можно бы думать, что увлекались желаніемъ полакомиться красивыми женщинами или получить за ними приданое, соотвѣтственное высокому положенію невесты: и то, и другое, конечно, входило въ ихъ соображенія при подобныхъ сватовствахъ; но главнымъ стимуломъ къ женитьбѣ степныхъ владыкъ на царевнахъ китайскихъ, иранскихъ, византійскихъ, было то обстоятельство, что такой бракъ, по понятіямъ кочевниковъ, облагораживалъ ихъ; ибо, какое-бы высокое о себѣ мнѣніе ни выказывали эти владыки, въ глубинѣ души не считали они себя не только выше, но даже равными государямъ великихъ осѣдлыхъ имперій. Поэтому основатели степныхъ монархій въ особенности старались закрѣпить новопріобрѣтенное достоинство свое бракомъ съ царевною какой-либо, давно уже признавшею, династія. Это и въ собственныхъ ихъ глазахъ и въ мнѣніи подданныхъ, возвышало и упрочивало значеніе ихъ нововозникшей власти. Да и вообще стремленіе облагородить себя союзомъ съ женщиною, вышею по общественному положенію, было принадлежностію каждаго честолюбиваго степняка. И до того тщеславились подобнымъ союзомъ счастливыя, которымъ удавалось заключить его, что многіе цѣлую жизнь щеголяли, пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ, титуломъ „зять“ (*уртанъ*), не принимая никакихъ другихъ, хотя имѣли полную къ тому возможность и достаточныя права. Таковы были знаменитый основатель

Карахатайскаго царства Ёлюй Даши и, еще болѣе его славный Тамерланъ. Въ Монголіи существуетъ и по настоящее время цѣлый классъ дворянства, носящій офиціально титулъ „зятьевъ“ (*табу-манъ*): это лица сами женатые на княжескихъ дочеряхъ или которыхъ предки удостоились чести брачнаго союза съ китайскими царевнами.

Сколь почетнымъ для себя находили степные повелители вступленіе въ бракъ съ царевнами осѣдлыхъ имперій, столь же унижительными для достоинства своего признавали такіе браки государи сихъ послѣднихъ: почему, въ случаяхъ, когда приходилось согласиться на подобный союзъ, старались они нерѣдко избѣгнуть униженія посредствомъ подлога, — подъ именемъ царевенъ отправляли въ стойбища кочевыхъ жениховъ не собственныхъ своихъ дочерей или родственницъ, а дочерей своихъ сановниковъ. Иногда это сходило съ рукъ, и осѣдлые дипломаты торжествовали что надули „глупыхъ“ кочевниковъ; но въ случаяхъ когда истина обнаруживалась, оскорбленный подлогомъ кочевникъ мстилъ тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ сильнѣе считалъ себя обиженнымъ и униженнымъ. Обманывать себя безнаказанно кочевники вообще не допускали; сами же (за исключеніемъ Бедуиновъ) считали позволительнымъ для себя всякій обманъ по отношенію къ осѣдлымъ, всякое коварство. До какой степени простиралась безсовѣстность степныхъ политиковъ могутъ служить образчикомъ извѣстныя страшныя клятвы хана аварскаго Баяна, когда нужно было ему обезпечить себѣ бездѣйствіе Сингидунійскаго гарнизона, клятвы, тотчасъ же безстыднѣйшимъ, наглѣйшимъ образомъ имъ нарушенныя.

Такъ или иначе, тѣмъ или другимъ способомъ, кочевники, оказывается, почти всегда успѣвали эксплуатировать осѣдлыхъ. Наоборотъ, мѣры, какія принимали эти послѣдніе противъ кочевниковъ, постоянно почти не приносили ожидавшейся отъ нихъ пользы.

Важнѣйшею изъ этихъ мѣръ являлось повсюду устройство валовъ на границахъ осѣдлыхъ владѣній съ кочевниками. Такими валами китайскія удѣльныя княжества ограждались отъ хищничества кочевыхъ сосѣдей своихъ съ глубочайшей древности, и сліяніе частныхъ валовъ этихъ (съ возникновеніемъ политическаго единства Китая въ III вѣкѣ до Р. Х.) въ одну общую ограду и составило то, что называется съ тѣхъ поръ „великою стѣною“. Таково же было назначеніе Траянова вала въ Дакии, стѣнъ, возведенныхъ Сассанидами въ Гирканіи и на Кавказѣ, валовъ и засѣтъ, устраивавшихся въ южной Россіи и Заволжѣ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ, Башкиръ и т. д.

Трудно представить себѣ, какимъ образомъ невысокія, покатыя земляныя насыпи, съ мелкимъ сухимъ рвомъ впереди, могли служить помѣхою какимъ-либо вторженіямъ въ пространство ими огражденное. Однакоже служили они такою помѣхою, ибо иначе не прибѣгли бы осѣдлыя правительства къ устройству подобныхъ насыпей, требовавшихъ и множества рабочихъ рукъ, и долговременнаго труда. Дѣйствительность такихъ преградъ противъ конныхъ хищническихъ шаекъ объясняется тѣмъ, между прочимъ, что черезъ валъ со рвомъ перескочить на конѣ невозможно; чтобы прорваться за валъ нужно прорыть его, для чего требуется нѣкоторое время, тогда какъ успѣшность вторженія обуславливается именно быстротою движеній шайки и внезапностью ея налета. Но, разумѣется, что валы и стѣны могли служить и служили защитою лишь противъ мелкихъ, такъ сказать, будничныхъ наѣздовъ: когда предпринимала вторженіе большая степная рать, никакія стѣны удержать ее не могли. Черезъ Дербендъ въ Арменію и далѣе на югъ прорывались безпрестанно всѣ кочевники, обитавшіе на сѣверѣ отъ Кавказа: Лале, Болгаре, Хазаре и т. д. Черезъ „великую китайскую стѣну“ переваливались безъ всякаго труда и наводняли сѣверный и западный Китай Хунны, Сяньбійцы Турки, Уйгуры, Киданьцы, Чжурчжени, словомъ, всѣ почти сильныя кочевыя народы, сосѣдншіе съ этою вѣчно дряхлою, но безсмертною имперіею.

Когда граница противъ кочевниковъ пролежала по широкой рѣкѣ, довольствовались осѣдлыя возведеніемъ по этой рѣкѣ, въ большемъ или меньшемъ разстояніи одно отъ другаго, ряда укрѣпленій и карауловъ, что называлось военною „линіею“. Такова была военная линія восточной Римской имперіи по Дунаю, и китайская—по Желтой рѣкѣ; таковы существующія еще нынѣ „линіи“ Уральская, Оренбургская, Иртышская. Отъ гарнизоновъ, сидѣвшихъ по укрѣпленіямъ, высылались, для наблюденія, не переправляется ли гдѣ непріятель черезъ рѣку, разъѣзды, а для того, чтобы вѣсть о появленіи непріятели могла быстро сообщаться по всей линіи, устраивали по караульнымъ пунктамъ такъ-называемыя „вѣстовыя огни“ или „маяки“, то-есть, пучки соломы на высокихъ шестахъ, которые, будучи зажжены, давали большое пламя, видное ночью на далекомъ разстояніи. „Линіи“ такого рода оказывались, какъ и валы, мѣрою пригодною противъ хищничества лишь небольшихъ шаекъ, да и то не всегда; большія же смѣло переплывали рѣку, вторгались въ заливныя селенія и успѣвали разорить ихъ и возвратиться во свояси съ полономъ, прежде

чѣмъ тревога, поднятая вѣстовыми огнями, успѣвала вызвать изъ укрѣпленій, и соединить гдѣ нужно, силы, достаточныя для противо-дѣйствія вторгнувшимся хищникамъ. Китайскіе политики находили удобнѣйшимъ заселять полинейные пункты преступниками, какъ людьми, которыхъ нечего жалѣть; но эти импровизированные воины, вмѣсто того, чтобы нападать на ворвавшихся кочевниковъ, обыкновенно, при появленіи ихъ, покидали свои селенія, и разбѣгались кто куда могъ.

Вмѣстѣ съ мѣрами обороны противъ кочевыхъ сосѣдей, прибѣгали осѣдлыя правительства, въ тѣхъ же видахъ, и къ возможному смягченію ихъ нравовъ, въ надеждѣ, что, цивилизовавшись нѣсколько, утратятъ они страсть свою къ хищничеству. Капитальнѣйшимъ для этого средствомъ почиталось, всегда и вездѣ, заведеніе торговыхъ съ ними сношеній. И дѣйствительно, возможность получить отъ осѣдлыхъ тѣ или другія изъ произведеній ихъ промышленности въ обмѣнъ на скотъ свой и добычу отъ звѣриной охоты, приводи кочевниковъ въ мирныя сношенія съ осѣдлыми, не рѣдко устанавливала между тѣми и другими болѣе или менѣе дружественныя связи. Кочевники охотно обзаводились пріятелями и даже пріятельницами между осѣдлыми сосѣдями, къ которымъ пріѣзжали погулять, покутить. То, что разказываетъ Геродотъ о сношеніяхъ съ Борисфенитами царька скинскаго Скилы, повторилось много разъ послѣ того и на китайскихъ границахъ и на русскихъ, вѣроятно также, и на византійскихъ, и на мусульманскихъ. По китайскимъ извѣстіямъ, кочевники Жунъы даже сами устраивали у себя городки. Но, черезъ нѣсколько времени, все это оканчивалось возвращеніемъ къ прежнимъ нравамъ и обычаямъ, а пріобрѣтенная привычка къ пользованію произведеніями осѣдлаго труда, при невозможности добыть ихъ мирнымъ путемъ, только разжигала въ кочевникахъ желаніе присвоивать себѣ эти произведенія путемъ хищничества и насилія, такъ что, вмѣсто смягченія нравовъ, установленіе торговыхъ сношеній съ кочевниками приводило въ, конечномъ результатѣ, къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которыя отъ того ожидались.

Когда, при сильныхъ осѣдлыхъ правительствахъ, хищничество кочевниковъ выводило ихъ изъ терпѣнія, или являлись въ осѣдлыхъ имперіяхъ государи воинственные, приходила и для кочевниковъ очередь подвергаться вторженіямъ въ ихъ степи вооруженнаго непріятеля. Но степные походы осѣдлыхъ армій рѣдко когда сопровождались успѣхомъ; и чѣмъ многочисленнѣе являлась рать, назначенная

дѣйствовать противъ кочевниковъ, тѣмъ рѣже ожидала ее удача. Завоеватель Киръ погибъ, какъ извѣстно, въ походѣ противъ Массагетовъ; та же участь едва не постигла и Дарія въ походѣ его противъ черноморскихъ Скиновъ. Самъ Александръ Великій еле-живъ вернулся изъ экспедиціи, предпринятой имъ въ степи прияксартскія противъ Скиновъ азіатскихъ. Знаменитый императоръ Китайскій Гао-ди двинулся было въ степи Монголіи, для наказанія Хунновъ, съ 320-тысячною арміею, но попалъ въ такое же положеніе какъ нашъ Петръ Великій на берегахъ Прута, и, чтобы выйдти изъ этого затруднительнаго положенія, долженъ былъ подвергнуться неслыханному долгу въ Китаѣ униженію — заключить съ предводителемъ Хунновъ договоръ, по которому, за себя и за преемниковъ своихъ, обязался платить Хуннамъ огромную дань и выдавать въ замужество за ихъ шанью'евъ (императоровъ) китайскихъ царевенъ. Столь же невыгодны были для Византійцевъ походы ихъ противъ Печенѣговъ и другихъ кочевниковъ, раскинувшихъ кочевья свои на степяхъ придунайскихъ. Столь же безуспѣшными оказывались, даже въ послѣднее время, въ 1840-хъ годахъ, степныя экспедиціи наши въ Киргизскія степи для преслѣдованія султана Кенисары Касимова. Перечислять подробно причины неудачности степныхъ походовъ для войскъ осѣдлыхъ народовъ было бы излишне: они всѣмъ извѣстны. Трудность продовольствовать въ степяхъ большія массы людей, утомленіе отъ долгихъ переходовъ въ бесплодной гоньбѣ за вѣчно ускользающимъ изъ рукъ врагомъ, зной, недостатокъ или дурное качество воды, и вслѣдствіе того кровавыя поносы разстроивали и уничтожали безъ боя самыя лучшія войска, проникавшія въ степи подъ начальствомъ самыхъ надежныхъ полководцевъ. Что читаемъ у Геродота о тактикѣ Скиновъ въ походѣ на нихъ Дарія, и у Арріана о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ вторженія Александра за Яксартъ, повторялось послѣ того десятки, сотни разъ. Успѣшнымъ исходомъ военныхъ экспедицій въ степи могли похвалиться военачальники осѣдлыхъ государствъ — честь эта выпадала нерѣдко на долю китайскихъ полководцевъ — только при двухъ условіяхъ: вопервыхъ, когда вооружалась противъ кочевниковъ сама природа, то-есть, когда истомленные засухою предшествовавшаго лѣта, буранами предшествовавшей зимы и повальными болѣзнями, обычнымъ послѣдствіемъ безкормицы, кочевники не могли убѣгать отъ наступающаго непріятеля на ослабѣвшихъ коняхъ своихъ и тѣмъ менѣе въ состояніи были отогнать отъ него отощавшія стада свои; и вовторыхъ, когда союзниками, вожаками и руководителями

осъдлыхъ войскъ являлись кочевники же, содѣйствовавшіе имъ съ цѣлю отмстить единоплеменникамъ за какую-либо обиду.

При падкости кочевниковъ на ссоры, такіе измѣнники общему дѣлу находились между ними весьма нерѣдко. Откочевывали отъ своихъ къ осъдлымъ и поступали на службу къ нимъ не только отдѣльныя лица или семьи, но и цѣлыя роды. Перебѣжчиковъ этихъ принимали обыкновенно осъдлыя правительства съ большою охотою и осыпали ихъ всякими милостями и наградами въ надеждѣ, что пригодятся они при случаѣ. Бывало, наоборотъ, и то, что предводителями кочевниковъ противъ осъдлыхъ являлись личности чуждыя степи: преступники, бѣжавшіе отъ кары закона; честолюбцы, искавшіе поприща для дѣятельности; жертвы интригъ и несправедливыхъ оскорбленій; иногда патріоты, думавшіе найти опору въ кочевникахъ противъ враговъ, воевавшихъ ихъ отечество. И степняки были не прочь воспользоваться умомъ, знаніями, предпримчивостію, отважностію такихъ выходцевъ, если все это сулило имъ какія-либо выгоды; но повиновались они этимъ чуждымъ вождямъ и бились подъ ихъ знаменемъ лишь до тѣхъ поръ пока выгоды эти были очевидны; а чуть лишь чуждый вождь становился бесполезенъ для нихъ, какъ обращался немедленно, безъ всякаго къ нему состраданія, въ предметъ спекуляціи: его, если только можно было сдѣлать это съ выгодой для себя, предавали они въ руки его враговъ живымъ или мертвымъ. Древнѣйшій извѣстный намъ примѣръ такого безсердечія и гнуснаго корыстолюбія, свойственнаго кочевникамъ, данъ былъ Массагетами. Пока герой Спитаменъ, отстаивавшій родину свою, Согдіану, отъ побѣдоносныхъ фалангъ Александра Македонскаго, дѣйствовалъ противъ этого завоевателя довольно удачно, Массагеты помогали ему и давали убѣжище въ своихъ степяхъ; когда же увидѣли, что всѣ усилія Спитамена бесплодны, сами его убили, и отрубленную голову его послали Александру.... Туркмены прикаспійскіе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, поступили еще характеристичнѣе. Забрался тогда въ ихъ кочевья родъ пророка, который сумѣлъ соединить подъ знаменемъ своимъ вѣчно враждебныя роды Гоклановъ и Юмудовъ. Подъ предводительствомъ этого пророка совершено было означенными родами нѣсколько удачныхъ наѣздовъ на сосѣднія персидскія области. Но разъ, въ стычкѣ съ Персіянами, когда послѣдніе были разбиты и уже бѣжали, а Туркмены горячо ихъ преслѣдовали, персидскій сарбазъ, знавшій „пророка“ въ лицо, выстрѣлилъ и убилъ его на повалъ: вдругъ Туркмены прекращаютъ пре-

слѣдованіе, и около павшаго вождя своего и пророка заводятъ свалку между собою — изъ-за того, кому достанется голова его, за представленіе которой обѣщана была сосѣднимъ владѣльцемъ большая награда!

Если, при означенныхъ выше благопріятныхъ обстоятельствахъ, удавалось осѣдлымъ настигнуть кочевниковъ и плохо приходилось послѣднимъ, они тотчасъ же измѣняли политику—изъ волковъ обращались немедленно въ самыхъ кроткихъ овечекъ, винились въ своихъ проступкахъ, сваливая ихъ, впрочемъ, на „дурныхъ людей“ изъ своей среды, и немедленно предлагали принять ихъ въ подданство, обѣщаясь служить вѣрою и правдою, и прося только объ одномъ—чтобы не обязывали ихъ платежемъ подати, то-есть, старались избавиться отъ грозившей бѣды одними „жалкими словами“, такъ какъ всякія клятвы на вѣрность подданства ни къ чему ихъ, въ собственныхъ глазахъ, не обязывали, и считались не болѣе какъ за ловушку для тщеславія осѣдлыхъ. И въ ловушку эту осѣдлые попадались почти всегда; можно сказать даже, что сами они въ нее лѣзли. Китайское самолюбіе утѣшалось, бывало, въ такихъ случаяхъ тѣмъ, что роды и отдѣленія кочевниковъ нерасименовывало въ „губерніи“ и „уѣзды“ съ китайскими названіями, а предводителей и старшинъ подчинившагося народа — въ „губернаторовъ“ и „исправниковъ“, давая имъ китайскіе чины и знаки отличія. Для „привлеченія“ новыхъ подданныхъ, губернаторамъ этимъ и исправникамъ назначалось жалованье, и дозволялся, въ извѣстные сроки, пріѣздъ на поклонъ ко двору, при чемъ пріѣзжавшіе удостоивались угощенія и соотвѣтственныхъ рангу своему подарковъ. Такимъ образомъ, и поддавшіеся осѣдлой державѣ, кочевники въ сущности продолжали ее эксплуатировать, ибо не давая ей ничего сами, получали съ нея дасть въ видѣ жалованья, даровъ и угощеній. И лишь только, вслѣдствіе какихъ-либо безпорядковъ и волпений въ господствующей по наружности державѣ, представлялся удобный случай пощичиться безнаказанно на счетъ ея осѣдлыхъ обывателей, кочевники-подданные тотчасъ же пользовались имъ и дѣйствовали какъ бы никогда, никакими присягами связаны не были. Возстановлялся порядокъ въ господствующей державѣ, они снова обращались въ покорныхъ подданныхъ, и опять эксплуатировали ее въ формѣ жалованья, даровъ и угощеній. Таковы были отношенія подданныхъ-кочевниковъ къ Китаю, таковы же были они къ Россіи и другимъ осѣдымъ государствамъ, имѣвшимъ несчастіе „владѣть“ подданными этого сорта. Эксплуатація осѣдлыхъ подъ видомъ

подданства имъ признавалась кочевниками до того удобною, что даже сильныя кочевыя народы прибѣгали къ ней, когда не находили возможнымъ грабить осѣдлыя государства открытымъ образомъ. Такъ Уйгуры, сосѣдніе съ Китаемъ, признавали себя его подданными даже въ самый блестящій періодъ своего могущества; такъ Киргизы пошли въ подданство къ Россіи, когда Россія не имѣла еще никакой возможности покорить ихъ.

Случалось нерѣдко, что, вмѣстѣ съ предложеніемъ подданства, кочевники, тѣснимые другими, враждебными имъ степняками, обращались къ правительствамъ осѣдлыхъ державъ съ просьбою надѣлать ихъ, для водворенія, свободными землями внутри государственныхъ границъ, обязуясь за то охранять оныя отъ вторженій всякихъ прочихъ кочевыхъ народовъ. Къ такому образу дѣйствій вынуждались они, явно, желаніемъ оградиться отъ напора своихъ враговъ. Осѣдлые политики видѣли это очень хорошо, и потому радовались вдвойнѣ: „пріобрѣтемъ безъ хлопотъ новыхъ подданныхъ, которые даромъ будутъ обезпечивать насъ отъ своихъ же, непріязненныхъ и имъ и намъ, единоплеменниковъ; варвары варваровъ же станутъ истреблять: что можетъ быть выгоднѣе?“, разсуждали государственные мудрецы китайскіе, византійскіе, бухарскіе и другіе. Но тонкая, повидимому, политика ихъ оказывалась на дѣлѣ крайне не дальнозоркою. Усѣвшись на отведенныхъ имъ земляхъ, впущенные въ предѣлы осѣдлаго государства, кочевники чувствовали себя не въ силахъ противустоять искушенію пощечиться на счетъ незащитнаго осѣдлаго населенія въ ихъ сосѣдствѣ, и пускались грабить его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ затруднительнѣе были обстоятельства, въ которыхъ находилась пріютившая ихъ осѣдлая держава. А когда на границахъ, которыя взяли они защищать, появлялся кочевой врагъ ихъ, они находили или невозможнымъ или невыгоднымъ помѣриться съ нимъ силами, и, при вторженіи его въ предѣлы, порученные имъ охраненію, скорѣе становились союзниками ему, нежели противниками; если же ссорились съ нимъ и схватывались, то лишь изъ-за дѣлежа совокупно пріобрѣтенной добычи. Такъ вели себя почти всѣ кочевники, которыхъ перепускали Китайцы за Желтую рѣку, которымъ отводили Византійцы степи праваго берега Дуная, которые водворялись въ Россіи по сю сторону Яика. Но такой исходъ допущенія кочевниковъ въ предѣлы осѣдлыхъ владѣній былъ еще изъ благопріятныхъ; а то случалось, что впущенные такимъ образомъ кочевники становились владыками государствъ, ока-

завшихъ имъ неразчетливое гостепрѣимство. Такъ „Южные Хунны“, поселенные въ сѣверномъ Китаѣ, черезъ двѣсти лѣтъ послѣ того овладѣли имъ совершенно и основали тамъ собственное царство. Такъ семья Сельджукидовъ съ родовичами своими Гузами, допущенная къ кочеванію въ Хорасанѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ овладѣла всею Персією, и возсѣла на престолѣ Ахеменидовъ.

Овладѣвъ осѣдлою страню, кочевники оставались господами ея тѣмъ дольше, чѣмъ лучше сохраняли свою національность, свою отдѣльность отъ побѣжденнаго населенія. Приобщеніе къ цивилизаціи послѣдняго, усвоеніе его образа жизни, обычаевъ, нравовъ, понятій, словомъ, сліяніе съ покоренными являлось всегда гибельнымъ для степныхъ побѣдителей. Энергія, которой обязаны были они первоначальнымъ перевѣсомъ своимъ надъ осѣдлыми, утрачивалась при такомъ сліяніи, а отъ побѣжденнаго населенія заимствовали они, какъ и всякіе подражатели, преимущественно его недостатки. Такимъ образомъ побѣдители становились, мало-по-малу, нравственно ниже побѣжденныхъ, и, вслѣдствіе того, были изгоняемы ими или истребляемы.

Внутри же степей, кочевныя государства, тамъ возникавшія, или разрушались междоусобіями или гибли подъ ударами кочевыхъ же завоевателей. Одолѣть кочевниковъ и смирить ихъ удалось, какъ замѣчено уже, только Китаю да Россіи, и то лишь въ послѣднее время. Сномъ, въ который погрузились подчинившіеся Китаю Монголы, обязаны Китайцы сколько умной политикѣ первыхъ государей царствующей Маньчжурской династіи, столько же и ламаизму, обратившему Монголію въ одинъ большой монастырь. Впрочемъ, если Монголы не хищничаютъ болѣе въ китайскихъ предѣлахъ, такъ, можно сказать, все еще продолжаютъ взимать дань съ Китая, ибо сами они ничего китайскому правительству не платятъ, отъ него же князья ихъ и прочая аристократія получаютъ и жалованье постоянное, и подарки. Такъ что, собственно одной Россіи принадлежитъ честь дѣйствительнаго покоренія кочевниковъ; лишь мы одни, изъ всѣхъ осѣдлыхъ народовъ на памяти исторіи, достигли того, что кочевниковъ, намъ поддавшихся, не только сдѣлали покорными, но и обложили податью. Достигли мы этого благодаря двумъ мѣрамъ: водворенію въ степяхъ русскихъ военныхъ колоній и устройству тамъ нашихъ

укрѣпленій. Почти́мъ же, въ заключеніе бесѣды нашей, память людей, сообразительности которыхъ обязана Россія такимъ успѣхомъ, безпригѣрнымъ до сихъ поръ въ лѣтописяхъ міра. Это были два великоросса: знаменитый Сперанскій и не пользовавшійся знаменитостію покойный генералъ Обручевъ.

В. Григорьевъ.
